

Когда первое потрясение улеглось, Юй Шаолин наконец пришел в себя и поспешно снял защитный барьер у ворот.

Увидев Юй Шаоли, он искренне обрадовался. Но, заметив дорожную пыль и усталость на его лице, мягко пожурил:

— Что же ты не предупредил, что возвращаешься? Я бы тебя встретил.

Юноша ничего не ответил. Он лишь пристально разглядывал его, и от всей его фигуры веяло зябкой прохладой, какая бывает лишь ранним утром в начале лета на юге, когда роса еще не сошла с травы.

— Раньше этого барьера здесь не было, — негромко произнес он.

Опасаясь, что он истолкует это превратно, Юй Шаолин поспешил объяснить:

— В последнее время демоны совсем распоясались. Пришлось установить защиту, чтобы уберечься от них. Я просто не успел написать тебе об этом.

Однако Юй Шаоли лишь снисходительно улыбнулся. То ли ему показалось, то ли в этой улыбке действительно промелькнула издевка.

— Значит, — протянул он, — братец все-таки собирался мне написать? А я-то думал, ты и вовсе забыл обо мне.

— Неужели?.. — Юй Шаолин едва не поперхнулся. Припомнив, что прежний владелец тела наверняка не утруждал себя перепиской, он смущенно кашлянул: — Моя вина. Каюсь.

— И как же ты намерен загладить свою вину?

— Кхм-кхм...

Юй Шаолин снова замялся. Прекрасный, чистый юноша, бывший для него белым лунным светом, сейчас казался совсем не таким, как при первой встрече.

Будто стал... оживленнее?

К тому же в его манере держаться сквозила труднообъяснимая насмешка. Он словно забавлялся, общаясь с ним не как с родным братом, а как с диковинной игрушкой. Он смотрел с торжеством хищника, который неторопливо играет с загнанной в угол добычей.

Юй Шаолин даже испугался собственного сравнения. С чего вдруг ему в голову лезет подобная чушь? А гость тем временем поторопил его новым вопросом:

— Или твои обещания — пустой звук, и на самом деле ты вовсе не хочешь порадовать брата?

— Вовсе нет! — выпалил он прежде, чем успел подумать, и тут же мысленно обругал себя за поспешность.

Юй Шаоин это явно позабавило. Он рассмеялся — искренне и весело, не сводя с него глаз. В лучах восходящего солнца его лицо казалось настолько прекрасным, что сама утренняя заря бледнела перед этой ослепительной красотой.

Глядя на его редкую, чистую улыбку, Юй Шаолин почувствовал, как сердце невольно оттаивает. Поддавшись необъяснимому порыву, он тихо произнес:

— Обещаю, теперь я буду писать тебе постоянно.

Смех оборвался. Юноша замер, уставившись на него с немим изумлением.

Он словно пытался разглядеть в его глазах ложь, но, не найдя ни намека на притворство, окончательно растерялся. Он удивленно приподнял брови.

Он приоткрыл губы, собираясь что-то сказать, но не успел.

Тяжелые двери павильона вновь распахнулись. Из них вышел Юй Миньчжи в сопровождении нескольких учеников, несущих музыкальные инструменты. Заметив стоящую у порога пару, глава павильона застыл на месте.

— Шаоин?.. — вырвалось у него.

Голос Юй Миньчжи прозвучал на редкость странно. В нем не слышалось ни радости от встречи, ни откровенного неприятия — лишь глухое, глубоко затаенное смятение.

— Почему ты здесь? Зачем вернулся?

Стоило Юй Шаоин увидеть отца, как его улыбка мгновенно угасла. Он вновь стал холодным и безучастным, словно неприступная ледяная статуя.

Он заговорил ровным, лишенным каких-либо эмоций тоном, будто отчитывался перед чужим человеком:

— В монастыре в последнее время неспокойно. Наставник посчитал, что суета мешает духовным практикам, и велел мне временно пожить дома. К тому же скоро праздник Середины осени, вот я и решил приехать пораньше. Прошу простить, что не предупредил о своем визите.

Юй Миньчжи промолчал, лишь сильнее нахмурился, явно борясь с какими-то безрадостными мыслями.

Шаои уловил эту перемену мгновенно. Он вскинул голову и откровенно, язвительно усмехнулся:

— Что такое? Отец не рад моему возвращению?

Несмотря на вкрадчивый, нежный голосок, в его словах сквозил неприкрытый вызов.

Юй Миньчжи растерялся и лишь вымученно улыбнулся в ответ:

— Ну что ты такое говоришь. Твое возвращение домой — всегда радость.

Обернувшись к ученикам, он велел им забрать вещи сына, а сам повел молодых людей внутрь дома.

Госпожа Юй уже давно проснулась и всю хлопотала в столовой, накрывая на стол.

В центре красовались две тарелки с легкими закусками, а вокруг исходили паром три пиалы с прозрачной лапшой в курином бульоне.

В руках хозяйка держала небольшую чашу с миндальным тофу, щедро посыпанным изюмом и политым сиропом. Она как раз собиралась поставить десерт перед местом Юй Шаолина.

Услышав шаги у порога, она даже не обернулась, ласково заговорив:

— А-Цюэ, закончил утреннюю тренировку? Небось, упрел совсем? Матушка как раз приготовила твой любимый миндальный тофу, отведай-ка, получился ли на этот раз?

От этих слов у Юй Шаолина потеплело на душе, но следом навалилась неловкость.

"Я ведь взрослый парень, да еще и старший брат... Негоже мне так беззастенчиво забирать всю материнскую любовь себе"

Он искоса взглянул на Шаои. Он смотрел на госпожу Юй в упор. Его изящное лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

Чувствуя, как внутри разгорается чувство вины, Юй Шаолин поспешил подать голос, чтобы разрядить обстановку:

— Матушка, посмотри, кто к нам приехал!

Госпожа Юй вздрогнула и обернулась.

При виде застывшего в проеме Юй Шаоин она мгновенно перестала улыбаться. Пальцы разжались, и пиала с миндальным тофу с глухим стуком рухнула на пол, разлетевшись на мелкие осколки.

Такая реакция была за гранью разумного. Юй Шаолин растерянно перевел взгляд на брата, ожидая увидеть на его лице обиду, но вместо этого заметил странное, даже пугающее торжество.

Юй Шаоин, не отводя пристального взгляда от побледневшей матери, едва заметно улыбнулся:

— Матушка, я вернулся.

Госпожа Юй покачнулась, едва не потеряв сознание. Но Юй Миньчжи, словно ожидавший чего-то подобного, в одно мгновение оказался рядом и подхватил ее.

— Дорогая... — тихо позвал он.

Женщина бессильно прислонилась к плечу мужа. Она упорно отводила взгляд от стоявшего у порога сына.

— Я устала, — прошептала она помертвевшим голосом. — Хочу прилечь.

Души не чающий в супруге Юй Миньчжи кивнул без лишних слов:

— Конечно. Пойдем в спальню.

Сделав несколько неверных шагов, госпожа Юй остановилась и слабо позвала:

— А-Цюэ... иди со мной.

Юй Шаолин замялся. Оставляя только что переступившего порог брата одного посреди столовой казалось верхом жестокости.

Но и послушаться явно пребывающую в полуобморочном состоянии мать он не мог. Оказавшись меж двух огней, он виновато обратился к Шаои:

— Присядь пока где-нибудь, передохни. Мы скоро вернемся.

Юй Шаои промолчал, провожая его долгим, нечитаемым взглядом. От этого молчания чувство вины у Шаолина лишь усилилось, но тут из коридора донесся требовательный голос матери:

— А-Цюэ! Что ты там возишься? Живее!

Ему ничего не оставалось, кроме как виновато улыбнуться брату на прощание и поспешить следом за родителями.

Стоило им переступить порог спальни, как госпожа Юй обессиленно опустилась на край постели, словно из нее разом выкачали все силы.

Она сидела, обхватив себя руками, и крупно, неудержимо дрожала.

Все это выглядело дико. Можно было подумать, будто в дом явился не родной ребенок, а кровожадный монстр во плоти — настолько силен был охвативший матушку ужас.

Юй Миньчжи бережно прижимал жену к себе, баюкая ее и поглаживая по голове, точно испуганное дитя.

— Все хорошо, родная моя, все позади... — негромко приговаривал он.

Юй Шаолин, терзаемый смутными догадками, не выдержал и попытался спросить:

— Матушка, почему ты так боишься Шаои?..

— А-Цюэ! — резко перебил его отец.

Юй Миньчжи зыркнул на сына с суровым укором. Его тихий голос прозвучал на редкость грозно:

— Замолчи. Не смей волновать мать.

Юй Шаолин и сам понимал, что сейчас не время для расспросов. Любопытство царапало душу, точно кошка когтями, но ему пришлось запереть свои вопросы на замок и вместе с отцом приняться успокаивать несчастную женщину.

К счастью, их терпеливые уговоры возымели действие. Дрожь госпожи Юй утихла, дыхание выровнялось.

Помня о том, что в гостиной все еще сидит брошенный всеми Шаои, Юй Шаолин решил тихонько выскользнуть за дверь. Но едва он приподнялся с табурета, как мать, казавшаяся уже спящей, резко открыла глаза. Она вперилась в него лихорадочным взглядом:

— А-Цюэ, ты куда?

Сказать правду он не решился, а потому поспешно соврал первое, что пришло на ум:

— Да я... что-то живот прихватило. Отойду ненадолго.

— Ложись рядом, — тут же отозвалась матушка, приподнимаясь. — Я тебе помассирую, сразу легче станет.

Юй Шаолин лишился дара речи.

То ли она раскусила его уловку, то ли просто не желала отпускать от себя ни на шаг. Юй Шаолин мысленно вздохнул, но перечить больной женщине не посмел.

Отец со своей стороны наградил его столь многозначительным взглядом, что спорить было бессмысленно. Пришлось лечь рядом. Мать принялась мягко водить прохладными ладонями по его животу.

Вскоре госпожа Юй заметно утомилась.

Она ослабила хватку, но рук не отпустила: левой держала ладонь сына, правой — мужа. Объятия эти были совсем слабыми, но в них сквозила какая-то отчаянная, неразрывная привязанность.

— Не уходите, — прошептала она, закрывая глаза. — Будьте здесь. Оба.

В такие минуты матушка казалась капризным, беззащитным ребенком.

Юй Шаолин чувствовал одновременно и досаду, и щемящую нежность. Мерные движения рук матери убаюкивали, и вскоре на него навалилась непреодолимая дремота. Он закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

Сколько он проспал, Юй Шаолин не знал. Сквозь сон он смутно почувствовал, как чьи-то сильные руки бережно перенесли его на другую постель — мягкую и теплую. Послышались

удаляющиеся шаги, приглушенный стук двери, и все окончательно затихло.

Казалось, теперь ничто не мешает ему выспаться.

Однако стоило ему окончательно погрузиться в забытие, как пришло сновидение.

На сей раз из-за пограничного состояния между явью и сном образы сделались пугающе отчетливыми.

Но это были не привычные тяжелые цепи и не полумрак шелкового балдахина.

Его обступила крошечная, абсолютная тьма — тяжелая, липкая, сдавливающая грудь так, что становилось трудно дышать.

Он оказался заперт в этой пустоте.

И из этой темноты на него кто-то смотрел. Он чувствовал на плечах физическое давление невидимого взора, хотя рассмотреть преследователя было невозможно.

В этой черной бездне само время словно застыло, превратившись в бесконечную пытку.

Шаолин чувствовал, как медленно сходит с ума от удушающей тесноты и одиночества, превращаясь в безжизненную марионетку. Безмолвие пожирало его целиком.

И этот невидимый взгляд, следивший за ним из темноты, парадоксальным образом казался единственным спасением.

В конце концов разум его не выдержал. Он сломался и, захлебываясь слезами, принялся умолять таинственного наблюдателя показаться.

Но никто не пришел. Тьма лишь отозвалась голосом.

Ледяным, лишенным малейшего намека на человеческое тепло:

"Это твоя кара. Ты нарушил клятву, а предателей ждет лишь это"

В ответ он тоже что-то кричал, оправдывался...

Но слов было уже не разобрать. Липкий кошмар наконец отступил, удушье рассеялось. Юй Шаолин резко распахнул глаза, тяжело дыша и понимая, что наконец-то вырвался из цепких

лап этого безумия.

За распахнутым окном давно воцарилась ночь. На пол ложились неровные полосы блеклого лунного света.

Юй Шаолин долго сидел на постели, тупо глядя перед собой и пытаясь совладать с бешено колотящимся сердцем. Лишь осмотревшись, он понял, что находится в небольшой боковой комнатке рядом со спальней родителей — должно быть, отец перенес его сюда, пока он спал без задних ног.

И тут в его сознании вспыхнула паническая мысль: а как же Шаои?

Он торопливо соскочил с кровати и распахнул дверь. Прохладный ночной ветер мазнул по лицу, заставив поежиться: спина под тонкой рубашкой была насквозь мокрой от липкого холодного пота.

Не обращая внимания на озноб, Юй Шаолин поспешил к столовой. Он надеялся, что за столько часов брат уже давно ушел к себе, вот только он понятия не имел, какую комнату ему отвели.

Но стоило ему переступить порог гостиной, как слова застряли у него в горле.

Шаои все так же сидел на гостевом месте. Его спина была натянута как струна — в этой неудобной, напряженной позе он, должно быть, провел весь день. Он не выражал никаких эмоций.

Он замер, безмолвный и неподвижный, словно искусно вырезанная из мрамора статуя, лишенная всякой жизни.

От неожиданности Юй Шаолин даже отшатнулся на шаг.

Услышав шорох, Шаои медленно повернул к нему голову. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он молча попытался подняться навстречу брату, но затекшие от многочасового сидения ноги отказались служить. Юноша покачнулся и едва не упал на пол.

Юй Шаолин среагировал мгновенно и подхватил его под локоть:

— Осторожно!

Он опустил взгляд и тихо, бесцветным голосом поблагодарил:

— Спасибо, братец.

В груди у Юй Шаолина тоскливо защемило. Глядя на эту гордую, но такую одинокую фигуру, он спросил самым мягким, на какой только был способен, тоном:

— Шаои... ты что, все это время сидел здесь?

Юноша медленно поднял на него глаза. Его взгляд показался Юй Шаолину пугающе странным.

А затем его губы вдруг дрогнули в улыбке. Не отводя глаз от его лица, он тихо произнес:

— Ведь ты сам велел мне подождать здесь, братец. Я не посмел ослушаться.

Юй Шаолин лишился дара речи. Внутри все перевернулось от жалости и глухого раздражения на самого себя.

— Но не сидеть же из-за этого весь день сиднем... — растерянно пробормотал он.

Договорить он не успел: в тишине гостиной отчетливо раздалось урчание голодного желудка. Юй Шаолин бросил взгляд на обеденный стол — три пиалы с лапшой так и стояли нетронутыми, покрывшись холодной жирной пленкой. Внутри у него окончательно все сжалось.

— Ты... вообще ничего не ел с самой дороги?

Шаои промолчал, но его понурый вид говорил красноречивее любых слов.

Юй Шаолин покачал головой и негромко, с легкой укоризной в голосе, произнес:

— Ну что за глупости? Ведешь себя как чужой. Это ведь и твой дом тоже! Раз уж нас не было, мог бы сам взять и поесть, никто бы слова не сказал.

Шаои долго молчал, прежде чем тихо отрезать:

— Это был ваш завтрак. Не мой.

Эта стена отчуждения начинала по-настоящему злить Юй Шаолина. Поняв, что спорить бесполезно, он просто взял и решительно сжал его холодную ладонь в своей:

— Идем со мной.

Шаои вздрогнул от неожиданности, растерянно глядя на их соединенные руки, но Юй Шаолин

уже увлек его за собой из гостиной напрямик в сторону кухни.

Ночь была ясной, на небе ярко горели звезды. Все кухарки Павильона Яньюнь давно разошлись по домам.

Юй Шаолину пришлось хозяйничать самому. К его великой радости, поиски увенчались успехом: в одном из чанов нашлось полкастриული наваристого куриного бульона, а в шкафу — охапка сухой рисовой лапши.

— Ну что, сварганим лапшу на курином бульоне? — весело спросил он, обернувшись к брату.

Шаои переминался с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Он долго переводил взгляд с одной кухонной утвари на другую, прежде чем едва заметно кивнуть.

Юй Шаолин и не думал дожидаться официального согласия — он уже вовсю гремел посудой.

Готовить из полуфабрикатов оказалось проще простого: разжечь очаг, разогреть бульон, бросить лапшу и дать ей дойти до готовности.

Вскоре по кухне пополз умопомрачительный аромат. Горячее варево, щедро сдобренное волокнами куриного мяса, выглядело, может, и не так изысканно, как у матушки, но вполне аппетитно.

Сам Юй Шаолин, впервые в жизни приготовивший что-то съедобное, буквально лучился от гордости за свои кулинарные успехи.

Он аккуратно придвинул дымящуюся пиалу к Шаои. Юноша принял ее обеими руками с величайшей осторожностью, словно драгоценный сосуд. Он взял бамбуковые палочки, но так и застыл над едой, не решаясь сделать первый кусок.

— Что же ты не ешь? — не выдержал Юй Шаолин, сгорая от нетерпения узнать, каков его шедевр на вкус.

Решив, что блюдо кажется ему пресным, он пошарил по полкам и извлек баночку с острой пастой из сушеного чили, обжаренного в кунжутном масле.

— Наверное, выглядит не слишком аппетитно? Добавь-ка вот этого, для вкуса.

Шаои послушно взял ложечку и бухнул щедрую порцию приправы прямо в пиалу. Прозрачный бульон мгновенно окрасился в пронзительно-багровый цвет. Подцепив палочками несколько нитей лапши, он осторожно отправил их в рот, сделал глоток и... замер.

— Ну как? Вкусно? — с надеждой спросил Юй Шаолин.

Он долго пережевывал пищу, а затем медленно, едва заметно кивнул.

Юй Шаолин расплылся в довольной улыбке. Но Шаоли не спешил продолжать трапезу. Он не отрывал взгляда от багровой жижи в пиале, тихо, точно в бреду, прошептал:

— Мне... еще никто никогда не готовил еду.

Юй Шаолин смолк.

— Очень вкусно.

С этими словами по его щеке скатилась крупная слеза и бесшумно канула в горячий бульон.

В этот миг он был точь-в-точь как сам Юй Шаолин, когда он, только-только попав в этот чужой мир, впервые попробовал стряпню госпожи Юй. Тогда он впервые осознал, что больше не одинок, что он не бесприютный призрак в чужом краю. У него наконец-то появились те, кто согреет его своим теплом и разделит с ним кров.

Но сейчас вид плачущего юноши привел Юй Шаолина в полнейшее замешательство. Он всполошился, не зная, куда деть руки:

— Эй, ты чего?.. Почему ты плачешь?

Этот вопрос, казалось, искренне озадачил Шаоли. Он удивленно воззрился на него:

— Разве я плачу?

Юй Шаолин не знал, то ли смеяться, то ли плакать:

— А сам не чувствуешь, что ли?

Он неуверенно коснулся пальцами щеки. Кожа действительно была влажной. На его лице отразилось глубокое, неподдельное недоумение.

"Почему он плачет?"

Неужели из-за этого незнакомого, щемящего чувства, которое внезапно заполнило всю его грудь?

Или... из-за человека, стоящего перед ним?"

Юй Шаолин, не желая смущать брата, поспешил прийти ему на выручку и неловко зачастил:

— Да ладно тебе, парням положено иногда всплакнуть, ничего страшного... К тому же ты столько чили туда бахнул. Наверняка просто глаза заслезились от остроты, да?

И в этот миг ответ наконец нашелся.

"Ну конечно. Все дело в перце.

И вовсе не в этих странных, пугающих чувствах.

И уж точно не в человеке перед ним.

Просто еда оказалась слишком острой. Вот слезы и покатились сами собой"

<http://bllate.org/book/18172/1749598>